

Семейная политика и трансформация семейно-брачных отношений в послереволюционной России (1917–1920-е гг.): основные итоги и актуальные вопросы изучения

Татьяна Смирнова

Family policy and transformation of family and marriage relations
in post-revolutionary Russia, 1917–1920s:
main results and topical issues of study

Tatiana Smirnova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X23010108, EDN: POWIXI

Проблема трансформации семейно-брачных отношений в послереволюционной России не теряет свою актуальность уже несколько десятилетий, оставаясь в числе приоритетных тем исследований не только историков, но и демографов, этнологов, социологов, культурологов, политологов, педагогов и психологов. Расширение на рубеже XX–XXI вв. источниковой базы и обновление методологии исследований (в том числе и под влиянием зарубежной историографии) обусловили не только новую волну интереса к данной проблеме, но и выход исследований на качественно иной уровень. Вопросы, связанные с различными проблемами семьи и воспитания, репродуктивного поведения и феминизма, переосмысление дискуссий о «свободной любви», «новой морали» и т.п. получили в этот период освещение в сотнях диссертационных исследований¹, тысячах статей, монографий и учебных пособий². Итоги изуче-

© 2023 г. Т.М. Смирнова

¹ См., например: *Араловец Н.А.* Российское городское население в 1897–1926 гг.: брак и семья. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004; *Гниятуллина Г.Г.* Государственная политика в отношении семьи в Башкирии в 1917–1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017; *Михайлова М.В.* Семья и быт в представлениях населения Европейской части России в 1920-е гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2003; *Рудык О.И.* Эволюция института брака в советском семейном праве: 1917–1996. Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2015; *Трефилова М.Н.* Трансформация брачно-семейных отношений жителей городов Верхней Волги в конце 1890-х – 1927 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2013; *Савчук А.А.* Трансформация отношений к семье и браку на российском Дальнем Востоке в 1917–1936 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2013; и др.

² *Алфёрова И.В.* «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. Брянск, 2011; *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1897–1926 гг.: историко-демографический аспект. М., 2003; *Араловец Н.А.* Городская семья в России, 1927–1959 гг. Тула, 2009; *Васеха М.В.* Политика внедрения «нового быта» и её влияние на семейно-брачные отношения в Западной Сибири в 1920-е годы // Традиционная культура русского народа в период 1920–1930-х годов. М., 2016. С. 295–338; *Голдман В.З.* Женщины у проходной: гендерные отношения в советской индустрии (1917–1937 гг.). М., 2010; *Давыдов Д.В.* Развод «по-крестьянски»: специфика расторжения браков в среде русского крестьянства в 1920-е годы (по материалам ТАССР) // Вестник ТГГПУ. 2010. № 4. С. 113–116; *Кулинич Н.Г.* «Свободная любовь» и советский брак: семейные отношения в городах Дальнего Востока (1920–1930-е гг.) // Новый исторический вестник. 2010. № 23. С. 42–53; *Жданова С.Н.* Основы социологии семьи: учебно-методическое пособие. М., 2016; *Михайлова М.В.* Семья и быт в представлениях населения европейской части России в 1920-е годы. Армавир, 2003; *Осипович Т.Н.* Проблемы пола, брака, семьи и положение женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х гг. // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 161–171; *Пушкарёва Н.Л.* Русская женщина

ния как советской семейной политики в целом, так и отдельных её аспектов обобщены в серии историографических работ³ и библиографических изданий⁴.

На первый взгляд, проблема относится к числу наиболее исследованных. Между тем её ключевые вопросы, несмотря на обширную историографию, до сих пор остаются дискуссионными. В какой мере происходившая в первые годы советской власти трансформация семейно-брачных отношений соответ-

в семье и обществе X–XX вв.: этапы истории // Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 3–17; Пушкарёва Н.Л., Казьмина О.Е. Российская система законов о браке в XX веке и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 67–89; Рябина Н.В. Социальная политика Советской России (октябрь 1917–1920-е годы): женщина, семья и дети в новом обществе: учебное пособие. Ярославль, 2004; Стрионова И.В. Дискуссии о семейном кодексе в СССР в середине 1920-х годов: государственный и региональный аспекты // Новые страницы истории Донбасса. Сборник статей. Кн. 20. Донецк, 2011. С. 79–87; Стрионова И.В. Практика супружеских отношений в период формирования советского гендерного строя в 1920–1930 гг. // Новые страницы истории Донбасса. Сборник статей. Кн. 22. Донецк, 2013. С. 162–174; Эволюция семьи и семейная политика в СССР / Отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 1992; Чечкова С.П. О некоторых аспектах развития брачно-семейного законодательства в сфере опеки и попечительства в 1917–1927 гг. // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Сер. Д. Эканоміка, сацыялогія, права. 2018. № 2(52). С. 117–122; Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности. СПб., 2007; Clements B.E. Bolshevik Women. Cambridge, 2000; Goldman W.Z. Women, the State and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge, 1993; Waters E. The Modernization of Russian Motherhood, 1917–1937. The European Woman's History Reader. N.Y., 2002. P. 277–289; Wood E.A. The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington, 1997; и др.

³ См., например: Анисимова Л.Ю. Дискуссии о семье и браке в послереволюционной России // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Сер. Экономика. История. Педагогика. 2017. № 1(27). С. 32–39; Горбачёв О.В. Советская сельская семья в зарубежной историографии: направления изучения и подходы к интерпретации // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. Т. 23. 2021. № 1. С. 160–177; Горяев М.С., Оконов Б.А. Проблемы трансформации семьи и брака в отечественной историографии // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. Т. 2. 2017. № 2(35). С. 84–88; Дорская А.А. Советское семейное право: основные направления изучения // Памятники российского права. В 35 т. Т. 27. Кодексы законов о браке, семье и опеке РСФСР. М., 2016. С. 7–11; Дорская А.А. Семейные ценности как предмет научной дискуссии: основные направления изучения семейного права в России на современном этапе // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Юриспруденция. 2019. № 3. С. 27–41; Людоровская Т.Ю. Семейная политика советского государства в Донбассе в 1920–1930-е гг.: историографический обзор // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2019. № 1(68). С. 21–27; Мицюк Н.А. История материнства (motherhood studies) в России на страницах англоязычной историографии // Историческая психология и социология истории. 2015. № 1. С. 128–145; Олейник И.И. Становление теории семейного права в советской юридической науке (историографический аспект) // История государства и права. 2014. № 21. С. 27–32; Пушкарёв А.М. К историографии «истории повседневности» и «нового быта» 1920-х гг. (Проблема «новой половой морали» в работах А.М. Коллонтай) // Женщина в российском обществе. 2005. № 1–2. С. 55–75; Пушкарёва Н.Л. Русская женщина: история и современность: Два века изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой, 1800–2000: Материалы к библиографии. М., 2002; Пушкарёва Н.Л. Женщина, семья, гендерная система: противоречивая история XX века // Феномен семьи в ракурсе видения социальных и гуманитарных наук. Материалы международной научной конференции, посвящённой завершению Года семьи в Российской Федерации, Старый Оскол, 18–19 декабря 2008 / Отв. ред. З.З. Мухина. Старый Оскол, 2008. С. 5–2; Салогуб Я.Л., Фролов В.В. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г. как этап большевистского эксперимента в правовом регулировании семейно-брачных отношений. Историография. Источники // Вестник Волжского университета В.Н. Татищева. 2017. № 4. Т. 2. С. 5–17.

⁴ Семейное право: Библиографический указатель диссертационных исследований (1980–2005 гг.) и научных публикаций (1990–2005 гг.) / Под ред. О.Н. Низамиевой. Казань, 2007; Советское семейное право. Библиография, 1917–1960 гг. / Под ред. И.В. Павлова и Г.М. Свердлова. М., 1962.

ствовала общемировым тенденциям тех лет? Можно ли говорить о том, что большевики уничтожили стабильную систему семейно-брачных отношений, существовавшую в Российской империи, или кризис семьи, основанной на церковном браке, назрел ещё на рубеже XIX–XX вв., а Первая мировая война и революция лишь обострили процессы в этой области? В какой степени преобразования советской власти были направлены на намеренное уничтожение семьи, или смыслом процесса был поиск новых форм семейно-брачных отношений, основанных на принципах равенства полов и социальной справедливости? Допустимо ли отождествлять отказ от так называемой буржуазной семьи с уничтожением семьи как таковой? В какой мере и каким образом на семейные отношения и поведенческие установки на брак в те годы влияло изменение социальной роли женщин: разрушало семью или, напротив, оздоравливало её, освобождая женщин от экономической зависимости от мужа?

Ещё недавно эти принципиальные вопросы казались вполне решёнными, а дальнейшие перспективы развития темы связывались преимущественно с изучением её в региональном ракурсе. Однако в последние годы наблюдается тенденция к пересмотру прежних представлений, уже очищенных от коммунистических догм. Семейная политика большевиков и брачно-семейные отношения постреволюционного периода всё чаще рассматриваются сквозь призму современных российских представлений о приоритете «традиционных ценностей». Это заставляет обратить внимание на опасность перенесения современных понятий на почву столетней давности и подмены презентизмом научного исторического подхода к изучению сложных социокультурных процессов революционной эпохи, связанных в том числе с наличием тенденций «советской модерна», испытывавшей на себе влияние «консервативного традиционализма»⁵.

Устоявшийся взгляд на сферу семейно-брачных отношений того периода в терминах трансформации, модернизации или эволюции в современной литературе всё чаще подменяется тезисами о сознательном разрушении и уничтожении семьи большевиками. Вот лишь некоторые цитаты, характеризующие такую точку зрения: «Революция и Гражданская война, вслед за разрушением социальной, политической и экономической сфер повседневной человеческой жизни, разрушили и привычный мир семейных ценностей, традиционную семью, которая существовала в России на протяжении столетий»⁶; «Правительство большевиков, пришедшее к власти в октябре 1917 г., осудило семью как буржуазный институт и обещало освободить женщин от брака, считая его главным препятствием на пути к женской эмансипации»⁷; «Первый период реформирования брачно-семейных отношений можно определить как период социального и законодательного разрушения института брака, семьи и семейной собственности»⁸; «Рассматривая брак как одну из причин неравенства женщин,

⁵ Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // НЛО. 2016. № 4. С. 19–44. См. также дискуссию по поводу данной статьи и самого содержания понятия «модерность» применительно к советской эпохе.

⁶ Семёнов А.А. Кризис традиционной семьи и эволюция брачно-семейных отношений в годы Гражданской войны (1917–1920 гг.) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109(05). С. 926.

⁷ Шаповалова Я.А. Политика большевиков в отношении семьи в первые годы советской власти // Общество: Политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 105.

⁸ Никулин В.В. Эволюция института брака в Советской России: от отмирания брака к консервативной семье (1917–1920-е гг.) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 21. 2016. № 7–8(159–160). С. 108.

приверженцы марксизма-ленинизма первоначально ориентировались на уничтожение института брака»⁹.

Более аргументированной представляется позиция исследователей, призывающих отойти от популярных в 1990-х гг. «конъюнктурно-негативных оценок советского прошлого» и сосредоточить основное внимание на изучении «исторических, социальных и экономических факторов, детерминировавших формирование и развитие условий правовой регламентации института брака в РСФСР»¹⁰. Такой подход приводит к обоснованному выводу, что послереволюционная российская семья, с одной стороны, «унаследовала прежний авторитарно-патриархальный стиль внутрисемейных отношений», с другой — стремительно модернизировалась¹¹. В соответствии с этой точкой зрения, ни отмена церковного брака, ни упрощение процедуры его заключения и расторжения не несли угрозу самому социальному институту семьи. Напротив, установление правового равенства супругов способствовало его институциональной стабилизации. Так, например, П.Я. Циткилов утверждает, что прежние «нормы семейной морали» «не были отвергнуты советской властью», реформирование семейно-брачных отношений привело лишь к постепенной «трансформации российской классической патриархальной семьи в советскую патриархальную»¹². К интересным выводам пришла О.И. Рудык, которая на основе анализа советского законодательства показала, что «правовой институт брака в первое десятилетие советской власти строился на буржуазных индивидуалистических, а не коллективистских социалистических принципах»¹³.

Столь противоречивые оценки семейной политики и семейно-брачных отношений послереволюционной России свидетельствуют о назревшей потребности в обобщении чрезвычайно обширной и противоречивой историографии проблемы, анализе её основных тенденций, дискуссий и «болевых точек». Сложность этой задачи заключается не только в большом количестве исследований, но и в междисциплинарном характере и многоаспектности изучаемой проблемы, так или иначе выходящей на самые разные вопросы социальной, гендерной и экономической истории.

К числу основных её составляющих можно отнести следующие: 1. Эволюция нормативно-законодательной базы семейной политики; 2. Трансформация бытовых отношений и поведенческих установок на брак, в том числе под влиянием изменения положения женщины в семье и обществе в целом; 3. Влияние на семейную политику и семейно-брачные отношения новых норм «половой морали», теорий «свободной любви», «стакана воды», «крылатого эроса революции» и т.п.; 4. Охрана материнства и младенчества как значимая составляющая семейной политики; эволюция репродуктивного поведения, легализация

⁹ Куликова Д.Н. Политика советского государства в области семейно-брачных отношений в 1917–1925 гг. // Интерэкспо Гео-Сибирь. Т. 6. 2013. № 2. С. 28.

¹⁰ Рудык О.И. Эволюция института брака... С. 3.

¹¹ Ражжаева М.В. Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социологические исследования. 2004. № 6(242). С. 90.

¹² Циткилов П.Я. Влияние религиозных норм жизни и общинных традиций на социальный облик советской семьи в 1920-е годы // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 4. С. 204–205. См. также: Носкова А.В. Социальные изменения института семьи в доиндустриальной России: историко-социологический анализ. Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005; Циткилов П.Я. Становление советской патриархальной семьи в 1917–1930-х годах: историко-социологический облик. Ростов н/Д; Таганрог, 2020.

¹³ Рудык О.И. Эволюция института брака... С. 3, 10–11, 24.

абортов и её последствия; 5. Положение детей в семье (соотношение общественного и семейного воспитания, «национализация детей», трансформация материнства и отцовства, социальное сиротство, профилактика семейной девиантности, политика в отношении семей с детьми-инвалидами и многодетных семей).

Все эти проблемы взаимосвязаны, вытекают одна из другой, но чаще всего являются самостоятельной темой¹⁴. Остановимся подробнее на специфике изучения некоторых из них.

Трансформации семейно-брачных отношений: нормативно-правовая база и повседневная реальность. Правовой аспект, т.е. изменение семейно-брачного законодательства, безусловно, является наиболее изученным. Комплексное рассмотрение эта проблема получила ещё в рамках советской историографии¹⁵, однако интерес к ней не утихает и сегодня. Среди наиболее значимых исследований советского семейного права следует отметить работы А.М. Нечаевой, отличающиеся комплексным подходом и широким общеисторическим контекстом¹⁶, и О.И. Рудык, проанализировавшей не только сами нормы права, но и предпосылки его реформирования¹⁷.

Внимание исследователей правового аспекта эволюции постреволюционной семьи (а это преимущественно работы юристов и историков государства и права) традиционно сконцентрировано на анализе содержания основных законодательных и нормативно-правовых актов в сфере семейной политики. Это прежде всего декреты 1917 г. «О гражданском браке, детях и о ведении книг актов гражданского состояния» (18 декабря), «О расторжении брака» (19 декабря)

¹⁴ В данной статье нет подробного анализа историографии проблемы по хронологическому принципу, анализируются лишь основные тенденции в изучении семейной политики молодого советского государства и послереволюционной трансформации семейно-брачных отношений с акцентом на работы конца XX — начала XXI вв. и задачи, стоящие перед современными исследователями.

¹⁵ См., например: *Бошко В.И.* Очерки советского семейного права. Киев, 1952; *Вольфсон Ф.И.* Семейное право. Учебное пособие для юридических институтов. М., 1938; *Генкин Д.М.* История советского гражданского права. М., 1949; *Нечаева А.М.* Правовые формы деятельности органов опеки и попечительства по воспитанию несовершеннолетних в семье. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1969; *Нечаева А.М.* Семья и закон. М., 1980; *Нечаева А.М.* Охрана детства в СССР. М., 1987; *Нюрин Н.Д.* Забота Советского государства о матери и ребенке. Л., 1944; *Пергамент А.И.* Основы законодательства о браке и семье. Учебное пособие. М., 1969; *Пергамент А.И., Ставцева А.И.* Советское законодательство о правах женщин. М., 1962; *Свердлов Г.М.* Советское семейное право. М., 1952; *Свердлов Г.М.* Охрана интересов детей в советском гражданском и семейном праве. М., 1955; *Харчев А.Г.* Быт и семья в социалистическом обществе. Л., 1968; *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. М., 1979; и др.

¹⁶ *Нечаева А.М.* Ребёнок под опекой. М., 1993; *Нечаева А.М.* Проблемы охраны прав несовершеннолетних в Российской Федерации. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995; *Нечаева А.М.* Охрана детей-сирот в России (История и современность). М., 1994; *Нечаева А.М.* Россия и её дети (ребёнок, закон, государство). М., 2000; *Нечаева А.М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М., 2007; *Нечаева А.М.* Семейное право: учебник для вузов. М., 2020. Подробнее о вкладе А.М. Нечаевой в развитие истории советской семьи и семейного права см.: *Лёвшинкин А.Н.* Научное наследие и значение трудов А.М. Нечаевой для развития науки семейного права // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 13–16.

¹⁷ *Рудык О.И.* Институт брака по российскому законодательству 1917–1922 гг. // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2010. № 2(13). С. 49–53; *Рудык О.И.* Влияние буржуазно-демократических ценностей на формирование предпосылок правовой регламентации института советского брака // Там же. 2012. № 20. С. 193–197; *Рудык О.И.* Общественно-политические предпосылки реформирования брачного права в 20-е годы XX века // Там же. 2014. № 1(25). С. 222–225.

и «О внебрачных детях» (20 декабря); Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном семейном и опекунском праве (КЗАГС) 1918 г. и Кодекс законов о браке, семье и опеке (КЗоБС) 1926 г., а также совместное постановление Наркомздрава и Наркомюста РСФСР от 18 ноября 1920 г. «Об охране здоровья женщин», легализовавшее аборт. При этом нормы права за редким исключением изучаются вне общеисторического контекста. За рамками исследований остаётся как процесс обсуждения и принятия законов и подзаконных актов (сколько всего было проектов, в чём их отличия, как проходило их обсуждение, была ли общественная дискуссия и т.п.), так и правоприменительная практика. Это не даёт возможности адекватно оценить причины и последствия принятия той или иной правовой нормы, а нередко формирует искажённое представление о целях, которые преследовала власть.

Так, например, известно, что проект нового кодекса законов о браке, семье и опеке, рассматривавшийся на второй сессии ВЦИК 12-го созыва в октябре 1925 г., вызвал бурную дискуссию. Наиболее «страстные прения как на самих сессиях, так и в промежутке между ними», по свидетельству Л.Д. Троцкого, вызвало предложение юридически приравнять незарегистрированный брак к зарегистрированному¹⁸. После принятия проекта нового кодекса за основу он был передан на места для широкого обсуждения¹⁹. Однако дискуссии и реакция, которую они вызвали в широких слоях общества, остались за пределами значительной части исследований²⁰. В результате мы получаем оценку правотворчества большевиков с позиций современных норм права и современных ценностей.

В ошибочности такого подхода можно убедиться на примере оценок эволюции правового статуса института усыновления, который был отменён КЗАГС 1918 г. (ст. 183) и восстановлен специальным декретом СНК РСФСР от 1 марта 1926 г., ещё до принятия нового Семейного кодекса²¹. Среди современных исследователей преобладает убеждение, что отмена усыновления в 1918 г. была вызвана в первую очередь «существовавшим тогда отрицательным отношением

¹⁸ Троцкий Л.Д. Сочинения. Сер. 6. Проблемы культуры. Т. 21. Культура переходного периода. М.; Л., 1927. С. 513.

¹⁹ См., например: Бедный Д. Всерьёз и... не надолго, или советская женитьба. Юридический трактат // Правда. 1925. 3 декабря; Брак и семья: тезисы секции общей теории государства и права Коммунистической академии. К проекту Кодекса о браке, семье и опеке. М., 1926; Бранденбургский Я. О чём спорят? // Известия. 1925. 11 декабря; Крыленко Н.В. По поводу «философских» размышлений тов. Солца о «революционной законности», о «старом» и «новом» праве и практическом смысле его предложения // Правда. 1925. 8 декабря; Крыленко Н.В. Обыватель наступает (Ещё о дискуссии по законопроекту о браке и семье) // Правда. 1926. 15 января. № 12; Курский Д.И. Семья и новый быт: споры о проекте нового кодекса законов о семье и браке. М.; Л., 1926; Луначарский А.В. Новый закон о браке и разводе // О быте. Л., 1927. С. 28–36; Сегаль М.А. Проект кодекса о браке и семье и «законодатель» Гредингер // Советское строительство. 1926. № 10. С. 215–221; Семья и новый быт: Споры о проекте нового кодекса законов о семье и браке. Сборник. М.; Л., 1926; Солц А.А. О революционной законности // Правда. 1925. 24 ноября; Солц А.А. Прокурорская критика // Правда. 1925. 16 декабря; Троцкий Л.Д. Сочинения. Сер. 6. С. 513–515; и др.

²⁰ В числе редких исключений можно назвать работы И.В. Алфёровой, проанализировавшей влияние на семейно-брачные отношения развернувшейся в печати дискуссии о «свободной любви» (Алфёрова И.В. «Не буду больше рабой своего мужа, мы должны быть равными товарищами в жизни!»: трансформация семейных отношений в российском общественном дискурсе (1917–1927 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4–2(10). С. 1–15).

²¹ СУ РСФСР. 1918. № 76–77. Ст. 818; 1926. № 13. С. 101.

к семейным формам воспитания детей-сирот в целом»²², а также стремлением предотвратить попытки «обойти запрет на наследование, предусматривающий поступление имущества умершего в собственность государства»²³. При этом наличие во введении к Семейному кодексу 1918 г. пояснений о том, что усыновление запрещено, прежде всего, в целях защиты интересов детей — из опасений их эксплуатации в крестьянских семьях — либо игнорируется, либо интерпретируется как элемент пропагандистской риторики. Данная позиция основана прежде всего на современном понимании института усыновления как безусловного блага для всех лишённых родительской опеки детей, а его отмены — как очевидного и неоспоримого «социального зла». Иначе оценивали практику усыновления составители кодекса, опасавшиеся, что «под покровом мнимого усыновления» дети «попадут в даровые рабочие, не защищённые законом и надзором»²⁴. Тщательное изучение источников и свободная от идеологической предвзятости реконструкция событий наглядно свидетельствуют о том, что опасения эти имели веские мотивы²⁵. Отмена усыновления в 1918 г. была вызвана сложным комплексом социальных, экономических и идеологических причин. Это было непростое решение, в правильности которого сомневались многие современники, что наглядно прослеживается в дискуссиях о возможности и необходимости восстановления института усыновления, начавшихся практически сразу после его отмены²⁶.

О том, насколько далеки от реальности выводы, сделанные исключительно на анализе нормативно-правовых документов без учёта правоприменительной практики и общеисторического контекста, наглядно свидетельствует и история применения патронатного воспитания. В отличие от усыновления, патронирование как форма устройства детей, лишённых родительской опеки, не было запрещено первым советским Семейным кодексом, но и не было им регламентировано, оно в нём просто не упоминалось. Единственной формой семейного воспитания сирот должна была стать социалистическая опека, как индивидуальная, так и коллективная (КЗАГС 1918, ст. 184–246). Однако на практике именно патронирование получило наиболее широкое применение с первых месяцев советской власти²⁷. Тем не менее отсутствие в Семейном кодексе 1918 г.

²² Пчелинцева Л. М. Семейное право России. Учебник для вузов. М., 2004. С. 490.

²³ Никулин В. В. Эволюция института брака в Советской России: от отмирания брака к консервативной семье (1917–1920-е гг.) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Т. 21. 2016. № 7–8 (159–160). С. 105.

²⁴ Курский Д. И. Объяснительная записка к проекту Кодекса законов о браке, семье и опеке 1925 года // Еженедельник советской юстиции. 1925. № 38–39. С. 1230.

²⁵ Подробнее см.: Бошко В. И. Очерки советского семейного права. Киев, 1952. С. 58; Смирнова Т. М. Особенности развития семейных форм воспитания детей-сирот в Советской послереволюционной России. 1920–1930-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012. С. 259–278; Goldman W. Women, the State and Revolution... P. 52.

²⁶ См., например: Курский Д. И. Объяснительная записка... С. 1230–1231; Люблинский П. И. Опека и детская беспризорность // Вестник просвещения. 1923. № 4. С. 196, 200; Орловский Б. Борьба с детской беспризорностью в Нижегородской губернии // Школа и жизнь Нижнего Новгорода. 1926. № 11. С. 37.

²⁷ Подробнее см.: Бендер Е. А. Опыт передачи воспитанников детских домов в крестьянские семьи во второй половине 1920-х годов (по материалам Ленинградского областного государственного архива в г. Выборге) // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2014. № 4. С. 174–181; Смирнова Т. М. «Любимые дети Советской республики»: история патронирования детей в Советской России. 1918–1930-е гг. // Вестник РУДН. 2007. № 2. С. 25–37; Смирнова Т. М. Опыт патронатного воспитания детей в Советской России и современность // Какорея. Из истории дет-

упоминания о патронатном воспитании послужило для ряда исследователей поводом для отрицания самого факта его существования в послереволюционной России. Вплоть до начала 2000-х гг. в отечественной исторической науке господствовало мнение, что патронатное воспитание сирот в первые годы советской власти не практиковалось. Так, Л.М. Спирина утверждает, что первые «упоминания о патронате связаны с постановлением “О передаче воспитанников детских домов в крестьянские семьи”» от 6 февраля 1928 года». Второй половиной 1920-х гг. датирует появление патронатного воспитания и М.А. Перова. А.Ю. Нагорнова и Е.Е. Вагина утверждают, что оно появилось лишь в 1936 г., «в связи с принятием ВЦИК и СНК РСФСР постановления “О порядке передачи детей на воспитание (патронат) в семьи трудящихся”». Эту точку зрения разделяет и Л.М. Пчелинцева. Ю.Л. Зеличенко пришла к выводу, что «становление системы устройства детей в патронатную семью в России совпало с послевоенными реформами XX в.»²⁸.

С другой стороны, популярное в последние годы пренебрежительное отношение к нормативно-правовым актам как к источникам, якобы отражающим исключительно «историю власти», и абсолютизация информационного потенциала так называемых внеинституциональных источников²⁹ приводят к экстраполяции отдельных взглядов, идей, течений, которыми богато любое общество эпохи революционных преобразований, на все общество в целом.

«Что будешь искать, то и найдёшь...»: реконструкция исторического прошлого методом цитирования, или Как рождаются исторические мифы. «Семья, конечно, исчезнет и будет заменена государственной организацией общественного воспитания и социального обеспечения»³⁰. Эта цитата из выступления представителя Наркомата юстиции Я.Н. Бранденбургского в феврале 1926 г., как и известная фраза А.М. Коллонтай («семья отмирает, она не нужна ни государству, ни людям»³¹), кочует из одной работы в другую как доказательство того, что советская власть планировала «отменить» семейно-брачные отношения. Для обоснования этой точки зрения авторы обильно цитируют и других советских государственных и политических деятелей. Так, например, Г.М. Цинченко, доказывая негативное отношение к семье А.В. Луначарского, ссылается на его слова о том, что семьи создают «не людей, которые сделают вклад в общественный коллектив, но людей, которые

ства в России и других странах. Сборник статей и материалов. Вып. 1. М.; Тверь, 2008. С. 174–196; и др.

²⁸ Зеличенко Ю.Л. Этапы развития патронатного воспитания в России // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2006. № 10(61). С. 89; Нагорнова А.Ю., Вагина Е.Е. Призрение и социальная защита детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России с древнейших времён до второй половины XX в // История и современность. 2016. № 1(23). С. 167–168; Перова М.А. Детская повседневность Советской России 1920-х гг. (на материалах Курганского и Шадринского округов). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2021. С. 17; Пчелинцева Л.М. Семейное право России. С. 487; Спирина М.Л. Отечественный опыт патронатного воспитания как форма социально-педагогической помощи детям-сиротам // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3. Педагогика и психология. 2008. № 5. С. 80.

²⁹ Об опасности «нового взгляда на проблему достоверности источников» см.: Смирнова Т.М. «Бывшие люди» России в 1917–1922 гг.: проблемы историографии, источников и методов исторического исследования // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб., 2018. С. 286–291.

³⁰ Бранденбургский Я.Н. Брак и семья: Доклад на Всесоюзном совещании волостных женорганизаторов при Отделе работниц и крестьянок ЦК ВКП(б) 13 февр. 1926 г. М., 1926. С. 5.

³¹ Коллонтай А.М. Семья в коммунистическом обществе. Одесса, 1919. С. 15.

будут индивидуалистами»³². Однако, поддерживая проект нового брачного законодательства, допускающий разводы, Луначарский в то же время подчёркивал значимость семьи, но лишь той, которая основана на взаимной любви. Первый нарком просвещения РСФСР выступал категорически против «лёгких и частых разводов», считая их «крайней мерой в тех случаях, когда совместная жизнь становится адом»: «Опостылили вы друг другу, не можете наладить совместную жизнь, стала она для вас адом... Ведь совершенно ясно, что такой случай, при котором трудовой брачный союз должен быть расторгнут, такой случай является редким случаем, может быть раз в жизни, может быть два, если вы уж так несчастливы»³³. Не всё так однозначно и во взглядах Коллонтай. Говоря о неизбежном отмирании семьи, она всегда подчёркивала, что речь идёт исключительно о семьях «в её буржуазном понимании», «в современном её виде»³⁴, т.е. говорила о необходимости реформирования семейных отношений.

Столь же противоречивая ситуация складывается и при попытке обильным цитированием аргументировать вывод о том, что в послереволюционной России приоритетным считалось общественное воспитание детей. Наиболее упоминаемыми в этом вопросе оказались советский правовед З. Теттенборн, убеждённая в том, что в случае неправильного (мещанского или антиобщественного) воспитания детей их следует изымать из семьи и передавать на попечение государства³⁵, и экономист, социолог, государственный и политический деятель Е.А. Преображенский, уверенный в преимуществах государственного воспитания над «домашним». «И ещё большой вопрос, — писал он в 1923 г., — разрешит ли в будущем социалистическое государство хотя бы части родителей портить домашним воспитанием своих детей»³⁶. С такой позицией был совершенно не согласен А.С. Макаренко, всю жизнь посвятивший перевоспитанию бывших беспризорников в детских домах и коммунах и на собственном педагогическом опыте убедившийся в значении семьи в судьбе каждого ребёнка. «Люди, воспитанные без родительской любви, часто искалеченные люди, — писал он. — За воспитание ребёнка отвечает семья, или, если хотите, родители»³⁷. Если же верить его близкому другу К.С. Кононенко, Макаренко, напротив, выступал за приоритет общественного воспитания и даже предлагал детей, имеющих родителей, наряду с сиротами воспитывать в специальных колониях, так

³² Цинченко Г.М. Политика в отношении семьи в первые годы советской власти // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2015. № 1(37). С. 175.

³³ Луначарский А.В. Новый закон о браке и разводе. С. 34–36.

³⁴ Коллонтай А.М. Труд женщины в эволюции хозяйства. М., 1928. С. 160–161; Коллонтай А.М. Положение женщины в эволюции хозяйства (Лекции, читанные в университете им. Я.М. Свердлова). М., 1922. С. 114. Подробнее о противоречиях и сложностях в мировоззрении Коллонтай см.: Осипович Т.Н. Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность. 1993. № 1. С. 174–186; Пушкирёв А.М. К историографии «истории повседневности» и «нового быта» 1920-х гг... С. 55–75.

³⁵ Теттенборн З. Родительские права в первом кодексе законов РСФСР // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 20–28; Теттенборн З. Задачи опекунских учреждений по новому праву // Пролетарская революция и право: издание Народного комиссариата юстиции. М., 1919. № 2/4. С. 64–73; Теттенборн З. Детский дом и борьба с беспризорностью. М., 1928.

³⁶ Преображенский Е.А. О морали и классовых нормах. М.; Пг., 1923. С. 96.

³⁷ Макаренко А.С. Книга для родителей. Л., 1981. С. 17, 24–25.

как семьи в подавляющем большинстве «не в силах обеспечить надлежащее воспитание ребёнка»³⁸.

Читая все эти пёстрые и разноречивые мнения современников событий, невольно вспоминаешь слова собирателя и исследователя народных частушек 1920-х гг. В.И. Симакова: «Право и лево, что будешь искать, то и найдёшь, она (частушка. — Т.С.) в своём разнообразии может всем угодить — и хулителям, и хвалителям»³⁹. Так же и цитаты об отношении к семье или к общественному воспитанию можно подобрать «на любой вкус», вот только полученный результат будет весьма далёк от реальности. Бесконечное цитирование — не метод реконструкции исторического прошлого, а лишь иллюстрация к отражению разнообразия общественных взглядов и настроений эпохи. Даже наиболее популярные в обществе идеи и течения, высказывания крупных государственных деятелей о той или иной сфере жизни общества недопустимо отождествлять с государственной политикой. В этом отношении нельзя не согласиться с Преображенским, писавшим в 1923 г., что дискуссия о форме взаимоотношений полов в значительной мере сводится к тому, «что люди рекомендуют коммунистическому обществу свои личные вкусы и выдают свои личные симпатии за объективную необходимость»⁴⁰. Эти личные вкусы и симпатии не являлись отражением государственной политики и далеко не всегда совпадали с мнением широких масс.

Радикальные идеи свободной любви, отрицания семьи или «огосударствления» детей, получившие достаточно широкое распространение после революции 1917 г., никогда не поддерживались на государственном уровне и не были закреплены законодательно, оставаясь лишь частью (хотя и значимой) общественных настроений. Вопреки расхожему мнению (создаваемому в значительной степени именно с помощью тенденциозно подобранных цитат), наркоматы просвещения, социального обеспечения и здравоохранения с первых дней своего существования отстаивали семейные ценности, боролись с «подкидыванием» детей, выступали за разумное сочетание семейного и общественного (в качестве вспомогательной формы) воспитания детей. «Сохранение ребёнку матери — первейшая задача; лучшая для него “капля молока” — из материнской груди», — говорилось, в частности, в циркулярном письме отдела охраны материнства и младенчества (ОММ) Наркомата социального обеспечения РСФСР от 21 мая 1918 г.⁴¹ Развитие государственной поддержки семей и матерей-одиночек рассматривалось руководством органов ОММ в качестве одного из наиболее эффективных методов предотвращения детской безнадзорности и беспризорности. С этой целью организовывали общежития для матерей-одиночек с грудными детьми, устраивали молодых мам на работу, открывали для них специальные мастерские. В 1920 г. на первом совещании ОММ приоритетным направлением было признано развитие сети открытых учреждений для детей, проживающих в семьях (ясли, детские консультации, молочные кухни). Приюты же для грудных сирот и подкидышей рекомендовалось открывать

³⁸ Свидетельства искренней дружбы: Воспоминания К.С. Кононенко о А.С. Макаренко. Марбург, 1997. С. 35.

³⁹ Симаков В.И. Что такое частушка? К вопросу об её историческом происхождении и значении в народном обиходе. М., 1927. С. 43–45, 59.

⁴⁰ Преображенский Е.А. Указ. соч. С. 97–98.

⁴¹ Отчёт по отделу охраны материнства и младенчества с 1 мая 1918 года по 1 мая 1919 года. М., 1919. С. 135–136.

лишь «в случае крайней необходимости», сосредоточив «все старания» на том, чтобы «создать для матерей условия, дающие им возможность удержать ребёнка у себя»⁴².

К настоящему времени эта проблема получила комплексное освещение в научной литературе. Общеизвестно, что идеи социального воспитания детей, женское движение, теории «свободной любви», дискуссии о характере и формах семейно-брачных отношений — всё это не было изобретением большевиков. Популярны в первые годы советской власти разнообразные общественно-политические, нравственно-этические и философские течения имели давние традиции развития, и их появление в России (ещё до октября 1917 г.) соответствовало общемировым тенденциям⁴³. Тем не менее, игнорируя достижения современной мировой историографии, многие исследователи повторяют одни и те же ошибки, смешивая отдельные радикальные идеи и течения (как, например, «национализация всех детей» и полная отмена института семьи) с государственной семейной политикой и политикой в сфере охраны детства. Признание государством ответственности за всех детей зачастую интерпретируется как политика их «огосударствления» («национализации»). Нередко отрицается наличие в Советской России семейных форм воспитания детей, лишённых родительской опеки. Порой эти ошибки дословно повторяются в работах разных авторов. Так, например в работе Л.М. Спириной написано: «С появлением большого количества детей сирот и беспризорных после Первой мировой войны и революции 1917 г. актуализируется проблема их призрения. Основной (если не единственной) формой устройства детей становятся государственные детские дома... Активный поиск форм устройства осиротевших детей в это время не выходил за рамки интернатного учреждения: детские коммуны, городки, трудовые колонии»⁴⁴. Почти дословно повторяют эту точку зрения А.Ю. Нагорнова и Е.Е. Вагина: «После революции 1917 г., когда Советская республика столкнулась с массовым сиротством и беспризорностью, основной формой устройства стали государственные детские дома... В те годы шли активные поиски форм устройства осиротевших детей, хотя эти поиски не выходили за рамки интернатного учреждения: детские коммуны, городки, трудовые колонии, пионердома»⁴⁵.

* * *

Знакомство с работами последних лет вызывает противоречивые впечатления. С одной стороны, наблюдается усиление междисциплинарного характера исследований, что способствует более глубокому анализу. Начиная с рубежа XX—XXI вв. можно говорить об окончательном формировании единой миро-

⁴² Спутник по охране материнства и младенчества, составленный отделом охраны материнства и младенчества Народного комиссариата здравоохранения. М., 1921. С. 32.

⁴³ Подробнее см.: *Алфёрова И.В.* «Женский вопрос» в теории и практике большевизма; *Араловец Н.А.* Семейные ценности городских жителей России в XX в. // Труды ИРИ РАН. Вып. 9. М.; Тула, 2010. С. 311–333; *Нечаева А.М.* Правовые проблемы семейного воспитания несовершеннолетних. М., 2016; *Пушкарёва Н.Л.* Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. М., 2010. № 2. С. 51–64; *Смирнова Т.М.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. (1917–1940 гг.) М.; СПб., 2015; и др.

⁴⁴ *Спирина М.Л.* Отечественный опыт патронатного воспитания... С. 80.

⁴⁵ *Нагорнова А.Ю., Вагина Е.Е.* Призрение и социальная защита детей-сирот... С. 167–168.

вой историографии проблемы. В то же время с сожалением приходится констатировать нарастающую тенденцию появления работ-«скороспелок», характеризующихся идеологизацией, отсутствием комплексного подхода к изучению проблемы, сегментацией знаний, узкой источниковой базой, а также отсутствием историографической преемственности, что зачастую приводит к мнимой научной новизне и тиражированию одних и тех же ошибок. Серьёзные монографии и диссертации «тонут» в «море» написанных «на злобу дня» (или для выполнения плана) работ, перечисляющих общеизвестные послереволюционные нормативно-правовые акты и обильно цитирующих Коллонтай, Теттенборн, Бранденбургского, Луначарского и других общественно-политических и государственных деятелей. Эти исследования отличаются лишь интерпретацией и оценками одних и тех же норм права, не сопровождающимися научной аргументацией. В результате складывается парадоксальная ситуация: историографический «бум» последних лет вернул нас на несколько десятилетий назад в плане изучения трансформации семейно-брачных отношений послереволюционной России. И сегодня актуален вывод, сформулированный почти 30 лет назад социологом А.Г. Харчевым: «Один из наиболее дискуссионных вопросов, стоящих сегодня перед отечественной социологией семьи, — вопрос о том, как повлияла социалистическая революция на брачно-семейные отношения в России»⁴⁶.

⁴⁶ Харчев А.Г. Социалистическая революция и семья. Из рукописного наследия // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 90.